

Часть Третья

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

/Лука, 6:31/

Социальный аспект национальной парадигмы включает в себя важнейшие вопросы взаимоотношений между личностью и любым коллективом, а также между властью и коллективом; не менее важна тема свободы народа, опущения им своего предназначения и способности к совместным действиям в социальной сфере.

Иосиф Бродский в уже упомянутом интервью так определял понятие свободы в самом общем смысле:

"Свобода не есть самостоятельное, автономное понятие, это понятие детерминировано. В физике оно детерминировано статикой, в политике - рабством; что же касается мира трансцендентального - о какой вообще свободе можно говорить, если предполагается Страшный Суд? То есть свобода - это всегда реакция на что-то. Это скорее преодоление ограничений, освобожденность". /14/

Тема власти интересно раскрывается в основном труде русско-американского ученого Питирима Сорокина "Кризис нашего времени" /1941/:

"Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir" * /88, с.472/

Чрезвычайно важен вопрос о народе и личности. Излишне говорить о вреде народопоклонства, которым страдали даже такие гении, как Достоевский. Чаадаев на этот счет заблуждений не имел. В "Апологии сумасшедшего" он писал, что

"...так называемый здравый смысл народа вовсе не есть здравый смысл... не в людской толпе рождается истина". /III, с.148/

Не менее важны и взаимоотношения между самими народами. Артур Шопенгауэр в "Афоризмах житейской мудрости" /1851/ вообще полагал, что национальный характер, т.е. то, что отличает один народ от другого, - понятие скорей негативное, а потому сравнивать народы и тем более предпочитать один другому - занятие глупое:

"Вообще за национальным характером, т.к. в нем отражается толпа, никогда нельзя по совести признать много хорошего... человекоограниченность, извращенность и порочность в каждой стране принимает иную форму, которую и называют национальным характером... Каждая нация насмехается над другими, и все они в одинаковой мере правы". /II8, с.234/

Стало быть, предмет нашего рассмотрения - единичное и множественное в социальной сфере, общество и власть в сфере политической, народ, его судьба и будущее в сфере нравственно-религиозной.

§ 17. Индивидуальное и коллективное. Во второй половине XX века в среде западных интеллектуалов весьма популярны были дискуссии о так называемой "коммуникабельности" людей /особенно после шедевров М.Антониони, И.Бергмана и Ф.Феллини/. Но так ли уж нова была эта

* знать, чтобы предвидеть, и предвешать, чтобы властвовать /франц./

проблема? О невозможности - даже не трудности - взаимопонимания между людьми говорилось, наверное, еще тогда, когда появилась речь. В своем знаменитом стихотворении Федор Тютчев выразил это так:

"Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь".
/Silentium", 1830/

В действительности же мы имеем настоящий парадокс: при определенной склонности многих /среди русских - большинства/ людей к коллективу, к общению, к "миру" /"на миру и смерть красна"/ взаимопонимание - скорее исключение, чем правило. Славян всегда тянуло в толпу, в "общество", что, по мнению того же А. Шопенгауэра, есть показатель внутренней недостаточности личности, даже пустоты, требующей заполнения извне. Николай Бердяев в книге "Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи" /1934/ писал:

"У человека всегда была склонность к стадности, стадность была выражением выброшенности человека в падший мир". /10, с.342/

Однако тот же философ в посмертно опубликованной философской автобиографии "Самопознание" /1949/ признавался в своей неверии в окончательную победу "стадности" и "толпы" над личностью. Полемицировал одновременно с коммунистами и нацистами, которые умело использовали "стадный инстинкт" для утверждения своего господства над личностью через влияние толпы, он писал:

"Мне смешно, когда коммунисты или национал-социалисты с гордостью говорят, что они создают новый мир коллективности, основанный на господстве общества над личностью, коллективно-общего над индивидуальным". /8, с.323/

Конечно, лидеры коммунистов и нацистов нисколько не сомневались в том, что пропаганда коллективизма для них самих ровно ничего не значит: "массы" для них всегда были стадом для пастуха с кнутом. В статье "О чистке в партии" Ленин прямо пишет, что "не всем указаниям массы" собираются следовать вожди, "ибо масса тоже поддается иногда настроениям несколько не передовым". В данном случае не согласиться с вождем большевиков невозможно, хотя сама "масса: могла бы с горечью воскликнуть: "Et tu quoque, Brute"*.

О том, что такое масса и каковы ее взаимоотношения с индивидуумом, много писал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. Он четко отделял "меньшинство", т.е. личность или группу индивидуумов, от "массы". В книге "Восстание масс" /1929/ он пишет, меньшинство отличается от толпы качественно:

"Масса - это толпа людей, не имеющих особых отличающих их качеств... Масса - это "средний человек"... это человек постольку, поскольку он не отличается от других". /67, с.42/

Страницей далее испанец пытается определить, из кого состоит толпа и в чем отличие этих людей от индивидуумов:

"...человек-масса - это тот... кто чувствует себя "таким, как все"... Ему нравится чувствовать себя таким, как все".

В книге 1956 года "Человек и люди" Х. Ортега-и-Гассет, анализируя "коллективный дух", приходит к малоприятному и, как он выражается, "даже страшноватому" выводу о том, что

"...коллектив - это нечто, состоящее из людей, но при этом не-

* и ты, Брут! /лат. - фраза, приписываемая Юлию Цезарю/

человеческое, лишенное духа, души, дегуманизированное".
/69, с.384/

Еще Сенека, цитируя Деметрия, говорил, что с "гласом народным, исходящим верхом", считается не больше, чем с "исходящим низом". Томас Гоббс вообще считал "войну всех против всех" естественным состоянием людей. Блез Паскаль утверждал, что люди следуют за большинством не потому, что оно право, а потому, что оно сильно. Иммануил Кант в своем "категорическом императиве" призывал всех относиться к любому человеку только как к цели, и никогда - как к средству. И, наконец, Сёрен Кьеркегор, как бы предвзяв мыслителей XX века, заявлял, что человек вообще отличается от скота

"...тем, что личность, Е д и н и ч и н ы й, всегда выше рода".
/40, с.122/

Таким образом, западная мысль - как христианская, так и религиозно нейтральная - пришла к противопоставлению индивидуального и коллективного. Идеалом видится некий аристократический тип общественных отношений, при котором индивидуумы, обладающие знанием и верой, в одиночку приходят к Царству Божьему, составляя как бы избранное меньшинство. При этом, руководствуясь Писанием и уже упомянутым "категорическим императивом" Канта, это меньшинство исключает всякую возможность экономической или политической диктатуры над большинством, оставляя "массам" право свободного выбора - следовать за собой или нет. Способность к творчеству, нравственная и духовная высота, характеризующие меньшинство, конечно, не сразу же могут быть усвоены "массами", но воспитание и образование со временем позволяют этого достичь.

Как уже упоминалось, многие русские настаивают на особом отношении своего народа к индивидуальному и коллективному. Еще в работах Алексея Хомякова появился термин "кафоличность" или "соборность", а это предполагает непременно коллективное, общее для всего народа достижение Царства Божьего. Идею соборности поддерживали не только остальные славянофилы, но и Владимир Соловьев, и такие его последователи, как о.Сергий Булгаков и о.Павел Флоренский, а также такие философы, как Н.Лосский, Л.Карсавин, И.Ильин.

Сторонники идеи "кафоличности" считают, что "соборно" живущие люди у же находятся в Царстве Божьем, ибо выполняют две основные заповеди Христа - любить Бога больше самого себя и ближнего своего, как самого себя. Лосский считал, что эгоизм отдаляет личность /или, по его терминологии, "деятели" / от Бога, поэтому полностью реализовать свою индивидуальность вне Царства Божьего нельзя. Значит, чтобы самореализоваться, стать личностью, надо жить в Царстве Божьем, а жизнь в Боге есть творчество всех существ, и это творчество должно непременно быть единокорным, т.е. соборным.

Н.Лосский развивает теорию "теономной нормативной этики". Согласно этой теории, конечной целью поведения является

"...абсолютная полнота жизни, достижимая не иначе как путем с о б о р н о г о творчества, осуществляющего лишь абсолютно ценные содержания бытия, могущие поэтому быть предметом сочувственного сопереживания всех членов Царства Божия". /46, с.73/

Сам философ называл свое учение интуитивизмом, в котором метафизика является "иерархическим персонализмом". Согласно этому учению, мир состоит из "субстанциальных деятелей", часть которых - члены Царства Божия, поскольку они проникнуты любовью к Богу и всем существам вообще. Иерархия у Лосского описана так:

"Группа деятелей, подчиненная более высокоразвитому деятелю и служащая для него органом, представляет собой как бы тело этого деятеля. Обособление деятеля от своих соразников означает для него смерть". /45, с. 327/

Я намеренно более подробно остановился на учении Н. Лосского, потому что он наиболее определенно высказался на тему соборности. Для славянофилов "созидание каждой личности созидает всех, и жизнью всех дышит каждый" /И. Киреевский/, соборность-наболичность есть цельность, "внутренняя полнота" /А. Хомяков/. Для сектанта-энциклопедиста Н. Федорова воскресение есть "общее дело", ведущее ко всеобщему родству и бессмертию. Для В. Соловьева все "человеческие элементы" образуют всечеловеческий организм - Софию. Для Д. Мережковского Отец не спас мир, Сын тоже не спас - спасет Мать, т.е. Дух Святой, который низойдет на всех.

Таким образом, для русской мысли характерно тяготение к идее коллективной природы Царства Божия. Либералы-мыслители не упоминаются вполне сознательно, потому что они, как "западники", были близки именно к западной точке зрения на существо вопроса, а кроме того, ввиду их немногочисленности их влияние было незначительно. Но и "индивидуалисты" были.

Точка зрения Николая Бердяева была как бы синтетической. Являясь, пожалуй, самым последовательным индивидуалистом /если не считать Льва Шестова/, он в то же время не раз отсваривался в пользу любви к ближнему. Впрочем, скорее, он не имел в виду коллектив. Бердяев всегда подчеркивал аристократизм как "единственную достойную человека утопию" /"Философия неравенства", 1923/; называл современные ему демократию, оклократию и тоталитаризм "плебейскими" /"Я и мир объектов", 1934/; считал себя человеком "асоциальным", был уверен, что свобода аристократична, отмечал в себе "отталкивающее чувство аристократа" к различным рагченуис*, утверждал, что аристократизм "как раз и отрицает иерархические чины" /"Самопознание", 1949/.

Как истинный "Апостол Свободы" /так называли Бердяева зарубежные исследователи/, он превыше всего ценил именно свободу и не мог сочетать ее ни с чем коллективным. В "Философии неравенства" он пишет, что свобода есть право на неравенство; в "Смысле истории" /1923/ - что христианская свобода предполагает действие свободного субъекта; в "Судьбе человека в современном мире" /1934/ - что народ не может заменить Бога; в "Самопознании" - что "всякая группировавшаяся масса" враждебна свободе, между тем как "Бог присутствует лишь в свободе"; что ему чужда идея растворения в стихии коллектива из-за собственного чувства личности; что желание соборности русских мыслителей "трагически осуществилось" в русском коммунизме как "обратное подобие".

Однако Бердяев же писал, что "Я" превращается в личность только через любовь /"Я и мир объектов"/; что каждый должен взять на себя "боль и муку мира и людей", ибо спастись в одиночку нельзя /"Дух и реальность", 1937/; что в любви есть проникновение в красоту лица другого, "видение лица в Боге".

Вероятно, истина, как всегда, находится где-то посередине - там, где коллектив перестает быть коллективом и становится отдельными личностями, любящими Бога и друг друга.

* парвеню, выскочка /франц./

§ 18. Личность и нация. Кто знает, чем руководствовался ревнивый Бог Ветхого Завета, когда, увидев строительство Вавилонской башни, вдруг взял да и "смешал языки" /Бытия, II:4-9/? Таким чудесным образом якобы и появились на земле разные языки. Как появились разные расы и народы, библейский текст не уточняет, ограничившись смутным указанием на сыновей Ноя: Сима, Хама и Иафета. Наука открыла нам и это, но гораздо важнее для нас библейский тезис о единых корнях всех народов - такой своего рода древний космополитизм. Исходя из этого тезиса, попробуем рассмотреть взаимоотношения наций, а также взаимоотношения между народом и одним из его представителей, причем и то, и другое - в свете равенства или неравенства объектов.

Нет сомнения в том, что до какой-то степени некое подчинение одного из рассматриваемых объектов другому мы найдем всегда. Но неравенство вовсе не подразумевает ни рабства, ни господства. Мы знаем случаи рабского подчинения одного народа другому /и, соответственно, случаи господства/; знаем мы и случаи подчинения, рабского служения целой нации тирану /фюреру, "товаришу", "председателю" и т.п./; как и случаи обожествления нации отдельными ее представителями /расистами, шовинистами, националистами/. О первой паре крайностей, то есть народ ≠ народ говорить уже не приходится: времена колониализма миновали, не везут уже и рабов с одного континента на другой. Что же касается второй пары /общество, нация ≠ личность/, то на ней придется остановиться.

Поклонение народов отдельным людям порицалось еще Библией. Новый Завет полон предупреждений о приходе людей, которых многие примут за Христа. И не так важно, присвоят ли они себе имя Искупителя, - все они равно будут не только чужды по существу, но и прямо враждебны Христу. Это будут Антихрист и более мелкие "антихристики". Если этим оравлены целые нации /немцы, китайцы, албанцы, корейцы/, то обожествленные ими суть Антихристы *au naturel**. Если это просто тот кумир, которого, по слову Моисея /Исход, 20:4/, не следует себе творить, то будь он хоть трижды Майкл Джексон, он для нас "антихристик".

Однако Антихристы и "антихристики" - всего лишь люди: они приходят и уходят. Иное дело - нация, общество, государство, которые почти бессмертны. Поэтому о проявлениях расизма, шовинизма, национализма - особый разговор, потому что они время от времени вспыхивают то здесь, то там, будучи прямым вызовом христианству:

"Люби все народы, как свой собственный". /83, т.8, с.310/

Так в книге "Оправдание добра" пишет Владимир Соловьев, даже стилем подражая Евангелиям, где "возлюби ближнего твоего, как самого себя". Учение Христа - общечеловеческое, универсальное. Апостол Павел говорил:

"...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос".
/К Колоссянам, 3:11/

В обожествлении народа несомненно есть признак антихристианского духа. Именно на этом настаивал Н.Бердяев, когда говорил, что народ не заменит Бога. В уже упомянутой книге "Судьба человека в современном мире" философ писал:

"И национализм не может не столкнуться с христианством, с христианским универсализмом". /10, с.347/

* в естественном виде, как создала природа /франц./

Если не обращаться к Писанию и рассматривать вопрос с атеистической точки зрения, то и тогда национализм будет выглядеть, как бездумная забава тупиц, которые не могут найти себе серьезного дела. Если бы не драматические, а подчас и трагические последствия националистических "забав", то их можно было бы игнорировать, как обычно игнорируют глупые ребячества невежественных и грубых людей. Почему невежественных? Да потому, что в наше время разве только ребенок не знает, что абсолютно чистой крови за тысячи лет развития цивилизации нет и быть не может. Русско-американский социолог Питирим Сорокин в книге "Проблема социального равенства" /1917/ справедливо иронизирует над такими невеждами:

"...теория чистых рас оказалась мифом; их нет, как нет, например, и специально немецкой или английской крови. В наше время чистота крови сохраняется разве только на конских заводах". /89, с.245/

Нравственно-психологические возражения националистам мы находим уже у Артура Шопенгауэра в уже цитированной книге "Афоризмы житейской мудрости" /см. вступление в Часть Третью/. К "патриотам", каковыми любят себя называть националисты, он обращает такие презрительные и очень точные слова:

"...самый дешевый вид гордости - гордость национальная. Ибо кто ею одержим, обнаруживает этим отсутствие в себе каких-либо индивидуальных качеств, которыми он мог бы гордиться, т.к. иначе ему незачем было хвататься за то, что у него общего с миллионами". /II8, с.233/

С таких же позиций, несколькими годами ранее немецкого философа, "квасной патриотизм" подверг своей критике Петр Чаадаев. Он, обвиненный в безумии за публикацию своего первого "Философического письма", где содержалась резкая критика русского народа и царской России, написал в свою защиту "Апологию сумасшедшего". В этой работе он анализирует понятие патриотизма /пусть даже не "квасного"/ и сопоставляет его с понятием истины. Чаадаев приходит к выводу, что любовь к отечеству не может не зависеть от того, как это отечество на самом деле, и что для философа гораздо важнее любовь к истине, чем патриотизм - тем более патриотизм до самоослепления. Приведу довольно длинную, но выразительную цитату:

"Есть разные способы любить свое отечество; например, самоед⁺⁺, любящий свои родные снега, которые сделали его близоруким, закоптелую орту, где он, скорчившись, проводит половину своей жизни, и прогорклый олениный жир, заражающий вокруг него воздух зловонием, любит свою страну конечно иначе, нежели английский гражданин, гордый учреждениями и высокой цивилизацией своего славного острова; и без сомнения, было бы прискорбно для нас, если бы нам все еще приходилось любить места, где мы родились, на манер самоедов. Прекрасная вещь - любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное - это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одеваает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а а через истину ведет путь на небо". /III, сс.147,148/

Эта цитата - прекрасный образчик космополитизма мудреца. Можно привести много примеров такого отношения к пресловутому "смешению языков", которое само по себе вовсе не означает презрения или без-

+ apologia /греч./ - защита, заступничество.

++ старое русское название саамов и других народов Севера

различия к "местам, где мы родились". Иван Тургенев был самым настоящим "гражданином мира" - а кто знал Россию, русскую деревню лучше этого парижанина? То же самое можно сказать и об Иване Бунине, который и до эмиграции, и уже во Франции одинаково блестяще писал и о русской деревне, и об индонезийском рисе, и о "господине из Сан-Франциско", и о русских парижанках. Владимир Набоков, написавший половину своих произведений по-английски, вообще считал себя американским писателем - а кто так произительно писал о русских и о России не только в "русских", но и во многих "американских" стихах и романах? А не были ли космополитами лорд Байрон, Уайлд и Джойс, Пикассо, Дали и Рерих, Лист, Рахманинов и Стравинский, Антониони, Вайда и Тарковский? И этот список можно продолжать бесконечно.

Это были "интернационалисты" в истинном значении этого слова. Патриотизм и интернационализм коммунистического "розлива" на самом деле таковыми не являлись: патриотизм у нас начинался с депортации целых народов /своих же/ и заканчивался пресловутой "пятой графой" в паспорте; интернационализм начинался с германо-советского раздела Польши и заканчивался "интернациональным долгом" в Афганистане. Разве не это предсказывал еще в 1918 году в статье "Исторический смысл русской революции и национальные задачи" Петр Струве:

"Интернационализм может быть двух типов: интернационализм мирный или пацифистский, призывающий нации к примирению и объединению во имя какого-то высшего единства, и интернационализм воинствующий или классовый, призывающий к расчленению мира не на нации, а на классы, враждебные друг другу". /92, с.247/

Таким образом, то, что большевиками воспринималось как "негатив", всем миром было принято как "позитив"; то же, что так вдохновенно воспевали коммунисты, ужаснуло другие народы. И страшно было даже не то, что у нас всё называлось "воинствующим" /и атеизм, и интернационализм, и силком навязываемое "светлое будущее"/ - более всего страшно то чудовищное лицемерие, с которым вся эта ложь навязывалась всему миру.

В свете всего изложенного выше, каков же может быть дальнейший путь русского народа? Думается, что это зависит от того, какое направление для этого пути будет выбрано: западное, либерально-демократическое, или восточное, китайско-авторитарное. Или опять будет изобретаться что-то свое, третье, непременно более тяжелое или вообще практически невыполнимое? Мне представляется, что следовало бы совместить две идеи, четко сформулированные крупнейшим русским философом XIX века Владимиром Соловьевым и крупнейшим русским философом XX века Николаем Бердяевым. Исходная точка у обоих - христианство, и намеченная цель одна и та же - соответствие религиозно-нравственным нормам. В 1897 году в книге "Оправдание добра" В.Соловьев писал:

"Жизнь человека уже сама по себе и сверху, и снизу есть невольное участие в прогрессивном существовании человечества и целого мира; достоинство этой жизни и смысл всего мироздания требуют только, чтобы это невольное участие каждого во всем становилось вольным, все более сознательным и свободным, т.е. действительно личным". /83, т.8, с.232/

Однако Соловьев не забывает и о том, что личность настолько подчинена обществу, насколько само общество подчинено нравственному добру - иначе оно никаких прав на человека не имеет.

Ровно через полвека, год в год, Н.Бердяев в своей последней книге "Самопознание" напишет:

"Нация, государство, семья, внешняя церковность, общественность, социальный коллектив, космос - всё представляется мне вторичным, второстепенным, даже призрачным и злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности"

/8, с.321/